

Л.В. Щепилова

Сравнение

Выразительность языка литературных произведений, его точность и эмоциональная яркость определяются тем, что язык произведения всецело связан с созданием образов. В литературном произведении «и точность и красочность, и глубина языка, и все его качества — все только от образа» (К. Тренев). Все эти качества языка достигаются в литературном произведении только его соответствием образам (которое, конечно, зависит и от умения писателя достичь его). В этом и состоит особая, образная выразительность языка литературного произведения.

Образно-выразительным становится в литературном произведении и использование всех существующих в языке специальных средств определения жизненных явлений, их характеристики, воспроизведения и оценки. Таково, в частности, сравнение. Сравнение состоит в пояснении какой-либо особенности одного явления с помощью указания на его сходство с другим, в котором эта особенность выражена с наибольшей полнотой и отчетливостью:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

Здесь Пушкин путем сравнения дает понятие о нерушимости великого творения Петра I — Петербурга.

Сравнение — это соотнесение между собой двух явлений с тем, чтобы охарактеризовать одно из них с помощью другого. Литература превращает сравнение в средство художественного изображения действительности.

В тех случаях, когда сходство данного явления с другим представляется писателю почему-либо особенно знаменательным, важным для раскрытия образа, писатель и обращается к использованию сравнений. Например, Пушкин в «Полтаве» достигает с помощью ряда сравнений, непосредственно следующих одно за другим и усиливающих друг друга, большой отчетливости и выразительности раскрытия сложного психологического состояния Мазепы. Сравнения в этом описании раскрывают с исчерпывающей полнотой и преступность зреющего у гетмана замысла, и нарастание его внутренней тревоги. Вот этот отрывок:

Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят,
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна, *как черная тюрьма.*

По форме сравнение может быть простым (например, «там зелень ярче изумруда» у Некрасова; «потолок на нас пошел снижаться вороном» у Маяковского) и развернутым; таково, например, сравнение в «Княжне Мери» Лермонтова, где Печорин сравнивает себя с матросом, потерпевшим крушение, чтобы еще резче оттенить свое одиночество:

«Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному рокоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...»

Развернутое сравнение поясняет ту или иную особенность изображаемого более многогранно.

Сравнение может осуществлять не только описательно-изобразительные, но и эмоционально-выразительные функции. Так, Пушкин в «Полтаве» говорит о Петре:

Он весь как божия гроза.

Лермонтов в «Тучах», выражая свою глубокую грусть, с которой он против воли покидал «милый север», говорит о тучах:

Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники.

Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос» выражает свое глубокое восхищение величественной красотой «женщин в русских селеньях» сравнением:

Пройдет — словно солнцем осветит!
Посмотрит — рублем подарит!

Эта эмоциональность особенно усиливается в отрицательных сравнениях. В них писатель характеризует явление, подчеркивая его отличие от других, контрастных ему, чтобы тем ярче оттенить основное, главное в данном явлении. Классическим примером такого сравнения может служить изображение Маяковским того, как его поэзия будет услышана в «коммунистическом далеке».

Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, —
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.

Понятно, что писатель обращается к сравнению далеко не во всех случаях, когда ему нужно охарактеризовать предмет. При этом следует иметь в виду, что не всякое сравнение, приведенное писателем, является удачным. Очень убедительно о том, как следует обращаться со сравнением, писал Л. Толстой:

«Сравнение — одно из естественнейших и действительнейших средств для описания, но необходимо, чтобы оно было очень верно и уместно, иначе оно действует совершенно противоположно. “Луна над колокольней, как точка над Г” — образчик неуместности сравнения... Автору выгоднее выпустить 10 прекрасных описаний, чем оставить один такой намек в своем сочинении»

Такие, например, выражения, как:

А знойный воздух сей, огнем
В уста втекающий, как лава!
(Бенедиктов)

День — жемчуг матовый — слеза —
Течет с восхода до заката.

(А. Бельй)

могут служить примером неудачных, неточных, вычурных, надуманных сравнений.

Подлинными художниками всегда стремятся к предельной простоте, ясности, верности сравнений. Поучителен в этом отношении пример изменения Лермонтовым некоторых сравнений в процессе работы над языком «Героя нашего времени». В описании первого появления Грушницкого в только что сшитом офицерском мундире данное в более раннем варианте сравнение:

«эполеты неимоверной величины подобились двум котлетам»

заменено на:

«эполеты... были загнуты кверху в виде крылышек амура».

Изменение сравнения в данном случае мотивируется тем, что в первом варианте оно давало только внешнее пояснение, во втором — оно поясняет внутреннее состояние влюбленного Грушницкого, возлагающего все надежды на перемену своего положения. Не менее характерна и другая замена, сделанная Лермонтовым в «Герое нашего времени». В описании возвращения Печорина, измученного безуспешной погоней за увезенной Верой, было сказано, что он «заснул богатырским сном». Однако это определение не удовлетворило Лермонтова, и он заменил его на: «заснул сном Наполеона после Ватерлоо», подчеркивая этим, что это не просто очень крепкий сон сильного человека, а то, что это сон сильного человека, потерпевшего огромное поражение, то есть именно то, что в данном случае вытекало из всего контекста. И та и другая замены, как мы видим, подсказаны самим контекстом, находятся в прямой связи со всесторонним осмыслением характеров и ситуаций.